

**КОММЕНТАРИИ
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ**

КОММЕНТАРИИ¹

К ЖУРНАЛЬНОЙ РЕДАКЦИИ «ЧТО ДЕЛАТЬ?»

Роман «Что делать?» был написан Чернышевским в Петропавловской крепости: начат 14 декабря 1862 г., окончен 4 апреля 1863 г. Даты написания романа точно обозначены самим Н. Г. Чернышевским в черновой рукописи романа, хранящейся в Архиве Революции в Москве.

Изумительна сила творческой энергии и внутреннего самообладания, которые Чернышевский проявил при написании романа. Обстановка была крайне тяжелой. Чернышевский был арестован 7 июля 1862 года. Сначала он был уверен, что за отсутствием прямых улик к его обвинению правительство после некоторой проволочки вынуждено будет дать ему свободу. К началу 1863 года Чернышевского начинает томить неожиданное для него промедление с движением его дела. Сохранилось несколько его писем и записок к администрации крепости или непосредственно к следственной комиссии, в которых Чернышевский настойчиво и неоднократно требует объявить ему содержание обвинения и причины задержки. Ответа никакого не было. Чернышевский принял крайние меры. 28 января он начал голодовку протеста и продолжал ее в течение девяти дней. Между тем литературная работа не останавливалась. 15 января 1863 года управляющий III отделением А. А. Потапов передал в следственную комиссию начало романа «Что делать?». Отсюда 16 января 1863 года эти материалы были направлены на рассмотрение д. с. с. Каменского с тем, чтобы, если в рукописи не окажется ничего предосудительного, она была допущена к печатанию при соблюдении общих правил цензуры². 26 января рукопись была послана оберполицмейстеру для передачи А. Н. Пыпину. 12 февраля Чернышевский посылает тем же порядком А. Н. Пыпину 35 убористо написанных страниц продолжения «Что делать?» и полулист заметок о необходимых поправках при корректуре. Взволнованное беспокойство Чернышевского, однако, не прекращается. 14 февраля он опять пишет письмо с решительным требованием внимания к своим легальным просьбам и пожеланиям. Лишь 23 февраля (через семь с половиною месяцев после ареста) происходит первое свидание с женою. 27 февраля отправляется письмо с требованием обещанного нового свидания. 4 марта напоминание об обещанном вновь повторяется. В письме к коменданту крепости А. Ф. Сорокину от 7 марта Чернышевский предупреждает о новой голодовке.

Первый допрос был снят с Чернышевского 30 октября 1862 года. Материалы, находившиеся тогда в руках следственной комиссии, не давали воз-

---

¹ Примечания к первоначальной редакции «Что делать?» составлены Н. А. Алексеевым. К остальным произведениям, помещенным в этом томе, комментарии составил А. П. Скафтымов.

² Относящиеся сюда постановления следственной комиссии запротоколированы в ее журналах. См. в Архиве Революции «Производство высочайше утвержденной в С.-Петербурге следственной комиссии об отставном титулярном советнике Николае Чернышевском», листы 244, 269, 385 и 404.

Первый допрос был снят с Чернышевского 30 октября 1862 года. Материалы, находившиеся тогда в руках следственной комиссии, не давали возможности построить обвинение. В первых месяцах 1863 года комиссия прибегала к помощи провокатора Всеволода Костомарова. 16-го марта с Чернышевского был снят новый допрос — о воззвании «Барским крестьянам», и предъявлена карандашная записка, будто бы оставленная Чернышевским у Костомарова. Теперь Чернышевский мог видеть, сколь опасно его положение, но он все же имел спокойствие и силу непрерывно продолжать начатые литературные работы. 26 марта Потапов прислал в комиссию 4-ю главу «Что делать?», 28 марта следовало продолжение ее, 30-го — окончание 4-й и начало 5-й, 6-го апреля получено было окончание всего романа.

Имеется предположение, что Н. Г. Чернышевский работал над «Что делать?» еще в Саратове. В 1922 году М. Н. Чернышевский (сын Н. Г. Чернышевского), обращаясь к Екатерине Николаевне Пыпиной (двоюродная сестра Н. Г. Чернышевского), заметил: «Вот все говорят, что Чернышевский изобразил в «Что делать?» Боковых и Сеченова, а ведь первоначальные листы «Что делать?» были найдены еще в 50-х годах в Саратове, тогда как боковская история разыгралась гораздо позднее». Екатерина Николаевна Пыпина, в свою очередь, подтвердила показание М. Н. Чернышевского, основываясь на словах Евгении Николаевны Пыпиной: «После того как Николая (Н. Г. Чернышевский) уехал из Саратова в 53 году, Евгения Николаевна стала разбирать его комнату и нашла заметки будущего романа «Что делать?». Когда в 1863 году роман вышел в печати, она стала читать его и припомнила, что уже читала это в листочках» (цитируется по записи Н. М. Чернышевской). Иных подтверждений эти сведения пока не имеют. Никаких иных черновиков, кроме черновой рукописи романа, оставшейся в архиве III отделения и хранящейся теперь в Архиве Революции, не сохранилось. А эта рукопись, как совершенно ясно свидетельствуют и ее даты, выставленные самим автором, и почерк, и бумага, могла быть написана вся целиком только в этот период пребывания Чернышевского в крепости: 14 декабря 1862 года — 4 апреля 1863 года. В. А. Пыпина, дочь А. Н. Пыпина, указывает, что ни от кого, в том числе и от отца своего («который не мог об этом не знать») не слышала о возможности образования канвы романа в саратовский период жизни Чернышевского.

Беллетристические произведения Чернышевский писал и раньше, но эти замыслы, повидимому, не имеют никакой связи с «Что делать?». Об одном из таких беллетристических замыслов упоминает А. Н. Пыпин в письме 1850 года к Д. Л. Мордовцеву (Б. Глинский, «Ал. Ник. Пыпин», «Исторический вестник», 1905, I, стр. 282). О некоторых юношеских беллетристических замыслах имеются упоминания в «Дневнике» самого Н. Г. Чернышевского. Из них сохранились лишь небольшие отрывки из рассказа «Пониманье» и из повести «Теория и практика». Подробнее об этих юношеских беллетристических произведениях Н. Г. Чернышевского сказано в примечаниях к напечатанному в этом томе сохранившимся отрывкам из них. Здесь лишь заметим, что в содержании этих беллетристических произведений, поскольку о них можно судить по имеющимся у нас материалам, ничего общего с романом «Что делать?» не имеется.

Наконец, здесь следует отметить еще некоторые упоминания о беллетристических материалах, которые имеются в следственных показаниях самого Н. Г. Чернышевского: не имели ли эти материалы какой-нибудь связи с романом «Что делать?».

В прошении, написанном Н. Г. Чернышевским 25 сентября 1863 года и представленном в сенат, где в то время рассматривалось его дело, имеются строки о черновых материалах «для будущих романов». Легко понять, что упоминаемые здесь материалы трактуются как беллетристические лишь самим Чернышевским, а по существу здесь речь шла о его записях о самом себе в его известном «Дневнике». Там имеются слова, которые служили уликой к обвинению Чернышевского в «преступных» убеждениях и замыслах. Однажды Н. Г. сказал Ольге Сократовне: «Хорошо, я не могу жениться уж по одному тому, что я не знаю, сколько времени пробуду я на свободе. Меня каждый день могут взять. Какая будет тут моя роль? — У меня ничего не найдут, но

подозрения против меня будут весьма сильные. Что же я буду делать? — Сначала я буду молчать и молчать. Но, наконец, когда ко мне будут приставать долго, это мне надоеет, и я выскажу свои мнения прямо и резко. И тогда я едва ли уже выйду из крепости. Видите, я не могу жениться». — («Дневник», часть 2, стр. 144). Чтобы отклонить от себя прямое признание в давних противоправительственных стремлениях и настроениях, Чернышевский в прошении в сенат выдает «Дневник» за подготовительный беллетристический материал, где не все сказанное от первого лица могло принадлежать автору, но являлось бы лишь словами вымышленных действующих лиц. Именно в таком смысле Чернышевский разъясняет ту сцену, которая непосредственно была привлечена к его делу. «Сцена, — пишет Чернышевский, — состоит в том, что какой-то «Я» говорит девушке, что может со дня на день ждать ареста, и если его будут долго держать, то выскажет свои мнения, после чего уже не будет освобожден» (М. Лемке, «Политические процессы в России 1860-х годов». Издание 2. Госизд., 1933, стр. 456). Ясно, что здесь речь идет исключительно о «Дневнике», который, как таковой, Чернышевскому нельзя было признать.

Таким образом, все эти отдаленные упоминания о беллетристических замыслах Чернышевского, очевидно, никакого отношения к роману «Что делать?» не имеют и свидетельствовать о каком-то раннем периоде работы Чернышевского над романом не могут. Роман полностью был написан в крепости.

Из заметки, приложенной Чернышевским к последней части романа, известно, что Чернышевский не считал роман законченным. По его замыслу предполагалось продолжение, которое он намеревался приготовить к печати «осенью или зимою» того же 1863 г. Во второй части романа Чернышевский имел в виду вывести новых лиц «на градус или на два повыше, чем в первой». В центре внимания здесь должны были встать «дама в трауре», т. е. та вдова, которая была спасена Рахметовым в третьей главе, и сам Рахметов. Оба эти лица питают друг к другу взаимную нежную страсть, однако их сближение затрудняется, и лишь с помощью Кирсановых и Бьюмонтов устраивается взаимное объяснение любящих друг друга и последовавшая за этим благополучная свадьба.

В этой части романа Чернышевский предполагал «показать связь обыкновенной жизни с чертами, которые ослепляют эффектом неопытный взгляд». Рахметов и дама в трауре, показанные раньше «титаническими существами», должны были, рядом со свойственными им исключительными качествами, обнаружить «простые человеческие черты», делающие их людьми «мирного свойства» (заметка Чернышевского, предназначенная для А. Н. Пыпина и Н. А. Некрасова, напечатана полностью здесь в примечаниях к черновому тексту романа).

По белой рукописи роман был напечатан в журнале «Современник» в №№ 3, 4 и 5 — 1863 г.

Из рассказа А. Я. Панаевой (см. ее «Воспоминания», Л. 1927, стр. 447 — 448) и из объявления, напечатанного Н. А. Некрасовым в «Ведомостях СПб городской полиции», № № 29, 30, и 31 1863 г., мы знаем, что беловая рукопись начала «Что делать?» была обречена Некрасовым 3 февраля по дороге в типографию. К счастью, ее поднял какой-то бедный чиновник и вернул по принадлежности, прочитав объявление Некрасова.

До сих пор представляется удивительным, как роман, полный критики существовавших устоев частной и общественной жизни, написанный лицом, находившимся под следствием по обвинению в политическом преступлении, предназначавшийся к печатанию в журнале «Современник», перед тем только что начавшем выходить после восьмимесячной приостановки за «вредное» направление, все же был пропущен цензурой.

За отсутствием белой рукописи романа, по какой происходило его печатание и по какой он читался в комиссии и в цензуре, нет возможности вполне точно установить вмешательство цензуры в авторский текст. Во всяком случае сравнение печатного текста с черновой рукописью показывает, что многие политически наиболее откровенные и яркие места текста в окончательной печатной редакции или исчезли совсем, или были смягчены, получив затемненное

выражение в намеках и иносказаниях (см., например, черновой и печатный текст, глава IV, раздел XVII, разговор Кирсанова с «просвещенным человеком»). Трудно судить, были ли подобные места устранены путем непосредственного вмешательства цензуры, или изменены самим автором, безусловно, предсудавшим цензурные рогадки и заранее принимавшим меры к обходу этих рогадок.

Имеющиеся сведения о цензурном прохождении романа мало разъясняют дело. И. Борисов, состоявший помощником смотрителя Алексеевского рavelина и имевший возможность читать роман в рукописи, свидетельствует: «Я читал его (роман) в рукописи и могу удостоверить, что цензура III отделения в очень немногом искривила его (очевидно, имеется в виду цензура следственной комиссии. — А. С.). (И. Борисов, «Алексеевский рavelин в 1862—65 гг.», «Русская старина», 1901 г., № 12, стр. 576.) Свидетельство Борисова, повидимому, может быть заподозрено в недостаточной компетентности.

В отзыве О. А. Пржецлавского, наблюдавшего за «Современником», наряду с элементами некоторой «снисходительности», содержится резкое порицание роману, свидетельствующее о том, что от глаз цензуры общий революционный смысл романа не был скрыт. Причем цензор правильно усмотрел «коммунизм» и «материализм» в романе не в отдельных местах, отрывках и выражениях, а во всем его целом, во всей концепции развертывающихся в романе образов и событий. О. А. Пржецлавский, рассмотрев первую часть романа, находил, что «содержание его вообще не предосудительно», «напротив, — писал он, — уже то, что нигилизм сознает потребность очиститься от взводимой на него характеристики чистого цинизма, можно признать симптомом утешительным». Несколько далее, ссылаясь на отсутствие в массе читателей «способности соображать частности», цензор признавал, что роман, при свойственной ему резкости в манере и тоне изложения, «может иметь небезвредное влияние на молодое поколение». В следующем отзыве о второй и третьей части романа суждения цензора принимают уже характер определенного резкого порицания. «Роман, — пишет Пржецлавский, — является апологией образа мыслей и действий той категории современного молодого поколения, которую разумеют под названием «нигилистов и материалистов» и которые сами себя называют новыми людьми». «Роман проповедует чистый разврат, коммунизм женщин и мужчин». «Едва ли нужно прибавлять, — заключает он, — что такое извращение идеи супружества разрушает и идею семьи, основы государственности, что то и другое прямо противно коренным началам религии, нравственности и порядка и что сочинение, проповедующее такие принципы и воззрения, в высшей степени вредно и опасно». (Текст отзывов Пржецлавского о романе см. в статье В. Е. Рудакова «Последние дни цензуры в министерстве народного просвещения». «Исторический вестник», 1911 г., сентябрь, стр. 982—983, и в публикации Н. А. Бухбиндера «Цензура о «Что делать?» Н. Г. Чернышевского». «Каторга и ссылка», 1928 г., № 7, стр. 43—50).

Последствием такого отзыва, казалось бы, должно было быть запрещение печатания романа. То обстоятельство, что роман все же был пропущен цензурой, тот же О. А. Пржецлавский впоследствии в своих «Воспоминаниях» объяснял недоразумением. «Так как они (т. е. рукописи Чернышевского), — писал Пржецлавский, — цензурованы были только в политическом отношении, то Голицын, не найдя в них ничего политического, пропустил их. Цензор же, рассматривавший «Современник» после пропуска рукописи князем, не смел уже останавливать печатание ее. Таким образом, проскользнуло в русскую литературу это произведение» («Русская старина», 1875 г., № 9, стр. 154).

Пржецлавский, рассказывая об этом деле, допустил ошибку, указав, что роман начал печататься до вступления Чернышевского в крепость. Эту ошибку Пржецлавского отметила Н. Рейнгардт, и в своем рассказе о том же, в объяснение пропуска романа, представил свою версию, объясняя все показным и ложным либерализмом министра внутренних дел Валуева (Н. Рейнгардт, «О Н. Г. Чернышевском». «Современное слово», 1911 г., 19 сентября, № 1331).

Очень близко к версии Пржецлавского находятся разъяснения М. Лемке. По мере поступления в комиссию «роман читал кто-нибудь из членов комис-

сии, не находил в нем ничего касающегося дела, и его отправляли к А. Н. Пылину через оберполицмейстера, каждый раз напоминая, что печатание должно происходить на общем основании, с разрешения цензуры. Цензор «Современника», видя на рукописи печать и шнуры комиссии, проникался соответствующим трепетом и пропускать, не читая» (М. Лемке, «Политические процессы в России 1860-х годов», ГИЗ, 1923, стр. 317).

О том, что роман «Что делать?» считался пропущенным в печать по оплошности цензуры, говорит и то обстоятельство, что ответственный цензор Бекетов за это дело в том же году был уволен от должности. (Собр. сочинений Герцена, под ред. М. Лемке, т. 16, стр. 265.)

В русской литературе не существует другого литературного произведения, которое по силе общественного воздействия могло бы сравниться с романом «Что делать?».

Огромное возбуждение, которое поднялось вокруг романа, было констатировано сейчас же современной ему критикой. Критик «Модного магазина» начинает свою статью о романе «Что делать?» признанием: «Давно не являлось произведения, которое было бы прочитано с большим любопытством и возбуждало бы более толков, как роман Чернышевского (В. Гаевский и, «Новые люди. «Что делать?» Роман Н. Чернышевского», «Модный магазин», 1863 г., № 14). «О романе Чернышевского, — писал Лесков, — толковали не шопотом, не тишком, во всю глотку в залах, на подъездах, за столом госпожи Мильбрет и в подвальной пивнице Штенбокова пассажи. Кричали: «гадость», «преlestь», «мерзость» и т. п. — все на разные тоны» (Николай Горюхов (псевдоним Лескова), «Н. Г. Чернышевский в его романе «Что делать?», «Северная пчела», 1863 г., № 142).

«Для русской молодежи, — вспоминает П. Кропоткин, — повесть была своего рода откровением и превратилась в программу... Ни одна из повестей Тургенева, никакие произведения Толстого или какого-либо другого писателя не имели такого широкого и глубокого влияния на русскую молодежь, как эта повесть Чернышевского: она сделалась своего рода знаменем для русской молодежи». (П. Кропоткин, «Идеалы и действительность в русской литературе». СПб, 1907 г., стр. 307.)

«За 16 лет пребывания в университете, — говорит П. Цитович, идеологический противник романа, — мне не удалось встретить студента, который бы не прочел знаменитого романа еще в гимназии; а гимназистка 5—6-го класса считалась бы дурой, если б не ознакомилась с похождениями Веры Павловны. В этом отношении сочинения, например, Тургенева или Гончарова — не говоря уже о Гоголе и Пушкине — далеко уступают роману «Что делать?». (П. Цитович, «Что делали в романе «Что делать?», Одесса, 1879 г., стр. V). Самое появление этой брошюры П. Цитовича, направленной к «обличению» романа спустя уже 16 лет со времени его выхода, свидетельствует о том переполохе, который был поднят романом «Что делать?» в среде охранителей старого порядка. Это «обличение» такими «столпами» реакционного мракобесия, как Б. Маркевич и М. Катков, было принято с восторгом («Письма Б. М. Маркевича, СПб, 1888 г., стр. 328—331; статья Каткова в «Московских ведомостях», 1879 г., № 153).

Цензурные власти с своей стороны обратили особо сугубое внимание на роман после обнаружившегося необычайно сильного и широкого его влияния. П. Капнист, автор валуевского цензурного «Собрания материалов о направлении различных отраслей русской словесности за последнее десятилетие», подчеркивая «гибельность» романа, указывает на исключительность его влияния: «Несмотря на всю бедность своего практического идеала и на отсутствие всяких художественных достоинств, роман Чернышевского имел большое влияние даже на внешнюю жизнь некоторых недалеких и нетвердых в понятиях о нравственности людей, как в столицах, так и в провинциях... Были примеры, что дочери покидали отцов и матерей, жены — мужей, некоторые шли даже на все крайности, отсюда вытекающие, появились попытки устройства на практике коммунистического общежития в виде каких-либо общин и ремесленных артелей. Всего же хуже то, что все эти нелепые и вредные понятия нашли себе сочувствие, как новые идеи, у множества молодых педагогов»

(«Собрание материалов о направлении различных отраслей русской словесности», 1865 г., стр. 182).

В литературной критике развернулась горячая борьба между врагами и защитниками романа. Сторонники революционных позиций Чернышевского, конечно, не могли высказываться в печати полностью, зато в лагере реакции господствовала самая безудержная травля и клевета на роман. Роман старались дискредитировать как проповедь «грубого эгоизма», разгула «животной похоти» и дикой физической силы. Нагло и демагогически искажая в своем пересказе текст романа, один из критиков этого рода бесстыдно утверждал, что на вопрос «что делать?» роман Чернышевского рекомендует учреждать идеальные мастерские «для вящего комфорта и обольщения модисток и гуляющих девушек, не стесняя их нисколько и предоставляя каждой зазывать в свою комнату возлюбленного (Ростислав, «Ажеумдость героев Чернышевского». «Северная пчела», 1863 г., № 138). В том же смысле и тоне роман обсуждался в пасквиле П. Цитовича, применявшего к героям романа разные статьи уголовного уложения о наказаниях: статья 1549 — о похищении незамужней с ее согласия; статья 1554 и 1555 — о двоебрачии с подлогом и без подлога; статья 1566 — о вступлении в брак без согласия родителей; статья 1592 — об упорном неповиновении родительской власти; статья 998 и 999 — о сводничестве мужьями своих жен; статья 976 и 977 — об употреблении чужих паспортов и т. д. (П. Цитович, «Что делали в романе «Что делать?», 1879 г., стр. 19). М. Катков вполне одобрял П. Цитовича, поправляя его лишь в том, что «нигилистическую заразу» указывал не только в среде «недоучившихся гимназистов и студентов», но и в среде взрослых, вполне образованных людей: «Беда в том, что Кирсановы могут быть профессорами, Мерцаловы — иереями, их приятели мировыми судьями, полковниками генерального штаба, тайными советниками и пр.» («Московские ведомости», 1879 г., № 153). Отсюда делался вывод о необходимости немедленно принять решительные меры «пресечения» и расправы. Наиболее развязно и откровенно о пресечении и расправе говорил А. С. Коченский. Он рекомендовал прибегнуть к смиренным домам, исправительным заведениям и, наконец, к «отдаленным и глухим обителям»: «Туда их, под строжайший надзор, на монастырский хлеб и воду, копанье гряд и другую черную работу, с неперменным обязательством учиться, богу молиться и бывать при каждом богослужении; туда, в исправительные заведения этих эмансипированных супругов, да засадить на урочную работу, да не давать ни есты, ни пить, пока они не выработают себе на дневное пропитание и пока не выйдет из головы эмансипированная дурь. А если и этим не проймешь, то есть дорога и подальше... Доого ли мы будем с ними церемониться и гуманничать» («Домашняя беседа», 1864 г., № 8, стр. 212—213).

В церковной прессе в борьбе против романа выступало духовенство (см., напр., «Дух христ.», 1863 г., № 1). Один из таких критиков, обстоятельно оговорившись относительно «путаницы в понятиях автора» (т. е. Чернышевского), все же попробовал использовать роман в целях христианского наставления (в «Что делать?» «любовь христианская» (!) наступает, но лишь «бессознательно»). За это он получил начальственный окрик и упрек в «противоцерковности» (см. А. Бухарев, «О современных духовных потребностях мысли и слов», Москва, 1865 г., стр. 471—497 и его же «Моя апология по поводу критических отзывов», Москва, 1866 г., стр. 70. Ср. замечание В. Зайцева о «юродствующем критике «Что делать?» в «Русском слове» за 1865 г., апрель).

Некоторые враги романа старались подорвать его авторитет указанием на его якобы ненаучность или на отсутствие в нем знания живой практической жизни.

С аргументами от имени «науки» выступил тот же О. Пржецлавский, член совета министерства внутренних дел по делам книгопечатания. В «Голосе» за 1864 г., № 169, он под псевдонимом Ципринус напечатал статью под названием «Промысл в учении новых людей», где «доказывал» «естественность» чувства ревности, будто бы неизменно свойственную всякому животному, в том числе и человеку. Ципринусу возражал П. Бибииков, выступивший в защиту Рахметова и разоблачивший в статье Ципринуса «бесцеремонное отношение к науке» и произвольность его «положений и выводов» (П. Бибииков, «Голос», 1864 г., № 170).

ков, «Ревность животных» в его книге «Критические этюды», СПб. 1865 г., стр. 158—180).

Во враждебных роману статьях с разным искусством на разные лады повторяется упрек в незнании жизни, в упрощенном представлении сложных жизненных обстоятельств, не допускающих столь «простого» и «легкого» решения поставленных в романе вопросов. С этой стороны нападал на роман критик «Отечественных записок», упрекавший Чернышевского в недостаточно глубоко изображении чувства любви («Ведь Лопухов не любил, вот если бы он любил» и пр.), в незнании жизни, в наивности знаний и стремлений Рахметова, в теоретической непродуманности общей концепции всего мировоззрения, выраженного в романе, и пр. В итоге автор приходил к выводу, отождествляющему героев романа «Что делать?» с «нигилистами» «Взбаломученного моря» Писемского. Эти последние, по его мнению, являются «прямым порождением той теории невежества, которую преподавал Рахметов своим примером неслыханно быстрого разума и всего сущего» (см. статью «Литературная летопись», «Отеч. записки», 1863 г., №№ 10 и 11/12, стр. 114).

В том же смысле в журнале «Эпоха» высказывался Н. Соловьев. По его мнению то, что в романе названо «предрассудками, оказывается не чем иным, как типическими особенностями женской натуры» («Эпоха», 1864 г., № 12, стр. 16). Для женщины, в силу особенностей ее природы, оказывается совершенно бесполезным и даже вредным «университетское слушание лекций», особенно при «теперешнем отношении полов». «Страстное влечение друг к другу, не сдерживаемое ни с одной, ни с другой стороны, послужит только помехой обеим половинам при серьезных занятиях» (там же, стр. 20). Лопухов насильственно развращает жену, отдавая ее Кирсанову. «Самый естественный исход этой трагикомедии есть любовь ее к Рахметову и жизнь сообща с ним, с Кирсановым и своим первым мужем» (стр. 23). Относительно женских мастерских Соловьев поучает Чернышевского, что образованной женщине нужна «более широкая дорога», а «механический труд в мастерских способен только обезобразить женщину», а главное, эти мастерские «могут служить к эксплоатации женской любви и чести» (24).

В упрощенчестве упрекал Чернышевского и Н. Страхов (Косица) (см. ст. «Счастливые люди», «Библиотека для чтения», 1865 г., апрель). Признавая, что роман написан с большим вдохновением и искренностью, Страхов уверял, что герои Чернышевского потому легко выходят из затруднений, что автор в романе устранил все действительные трудности сложной человеческой психики и общественной жизни. Таким образом, приглашение к «счастью» Чернышевскому дается излишне легко: это «простое, холодное, почти нечеловеческое отрицание страданий» (стр. 338). С точки зрения несоответствия идеала Чернышевского человеческой природе роман «Что делать?» обсуждался Достоевским в «Записках из подполья» («Эпоха», 1864 г.).

Точку зрения либерала-постепеновца выразил редактор «Занозы» М. Розенгейм в фельетоне «Заметки празднователящегося», где он рекомендует Чернышевскому «не строить во сне роскошных дворцов, когда наяву столько курных изб, в которых прежде надо устроить трубы» («Заноза», 1863 г., 8 сент., № 34).

С одобрением к роману отнесся Н. Лесков. Он принимает провозглашенный романом идеал — «дать благосостояние возможно большому числу людей». Принимает будто бы и те пути, которые роман рекомендует к достижению этого идеала: «Такие люди, — говорит Лесков о героях романа, — нравятся мне, и я нахожу очень практичным делать в настоящее время то, что они делают в романе Чернышевского». Но мы ошиблись бы, если бы приняли эти слова Лескова за выражение солидарности с революционным содержанием романа. Лесков занимает позицию постепеновца. Люди Чернышевского, по его пониманию, «не несут ни огня, ни меча. Они несут собою образчик внутренней независимости и настоящей гармонии взаимных отношений». Чернышевский — «нигилист-постепеновец». «Чернышевский заставляет делать то же дело, которое можно сделать во всяком благоустроенном государстве» («Н. Г. Чернышевский в его романе «Что делать?», «Северная пчела», 1863 г., № 142. Статья подписана «Николай Горохов»).

Со стороны постановки женского вопроса роман «Что делать?» был очень сочувственно отмечен в статье В. Гаевского «Новые люди», «Модный магазин», 1863 г., № 14: «В нашей литературе еще не было высказано такого горячего сочувствия к судьбам женщин, как в романе г. Чернышевского, сочувствия, источником которого служило не поэтическое раздражение, а светлый, гуманный и практический взгляд, выработанный наукою и обществом» (стр. 169). В статье имеется элемент некоторого скепсиса, желания внести в него какое-то большее совершенство, но общий тон остается безусловно сочувственным.

С большим сочувствием к роману «Что делать?» написана статья Е. Ц-ской (Е. Н. Водовозовой) «Что мешает женщине быть самостоятельной» («Библиотека для чтения», 1863 г., № 9). Редакция «Библиотеки» снабдила статью примечанием о своем невмешательстве в мнение своей читательницы, представившей статью. Статья исключительно посвящена доказательству мысли о необходимости самостоятельности для женщины, и ни в какой степени не касается общей системы воззрений, выраженных в романе.

Более откровенно и прямо роман приветствовался в «Народном богатстве», 1863 г., № 102. Правда, и здесь выдвигалась только та сторона романа, которая указывала на новые пути изменения в общественном и бытовом положении женщины, но сочувственное отношение здесь провозглашалось наиболее полно и безусловно. «Всякое назначение на общественную деятельность женщины мы будем постоянно встречать сочувствием...» «Еще с большим сочувствием мы встречаем популярно изложенные экономические начала женского общественного труда, и слава вам, г. Чернышевский, что вы этот важный вопрос задели в чисто литературной статье...» «От души желаем читателям нашим обратиться к «Современнику» за настоящий год, и если кто не прочел еще романа г. Чернышевского, тому предлагаем его прочесть...» Судить о том, насколько автор статьи разделял всю сумму воззрений, выраженных в романе, насколько для него была понятна конечная революционная идея романа, не представляется возможным, так как статья осталась неразвернутой и ограничивалась лишь общим одобрением.

Тогда же в 1863 году, повидимому, была написана и известная статья Писарева «Мыслящий пролетариат». Под заглавием «Мысли о русских романах» она найдена в деле правительствующего сената, 5 департамент, 1 отд., 1863 г., том III, № 7. Статья была прислана в сенат петербургским генерал-губернатором Суворовым для заключения о возможности ее печатания. В своем заключении сенат указывал, что это «сочинение, заключающее по преимуществу разбор романа содержащегося под стражей литератора Чернышевского под заглавием «Что делать?» и преисполненное похвал сему сочинению, с подробным развитием материалистических и социальных идей, в ней заключающихся, в случае напечатания его может иметь вредное влияние на молодое поколение, проникнутое этими идеями» (М. Лемке, «Политические процессы в России 1860-х годов», ГИЗ, 1923 г., стр. 576). О заключении сената ген.-губернатор Суворов сообщил министру внутренних дел секретным письмом от 7 ноября 1863 г. (письмо напечатано в сообщении Н. Шаховского «Две цензуры», «Русский архив», 1897 г., февраль, стр. 336). Статья к печати в это время не была допущена. Впервые она была напечатана лишь в 1865 г. в октябрьской книжке «Русского слова» под названием «Новый тип». В первом издании собрания сочинений Писарева (1867) с некоторыми изменениями, статья была перепечатана под новым заглавием «Мыслящий пролетариат». После напечатания статья вновь вызвала особое внимание цензуры, и по ее поводу журнал «Русское слово» 20 декабря 1865 г. получил предостережение. Переписку по поводу этой статьи и тексты цензурных замечаний к ней см. в статье В. Евгеньева-Максимова «Д. И. Писарев и охранители». «Голос минувшего», 1919 г., № 1—4, и в статье: К. Военского «Гончаров — цензор». «Русский вестник», 1906 г., № 10. Писарев отнесся к роману «Что делать?» с восторженным одобрением. Однако необходимо заметить, что революционная суть проповеди Чернышевского осталась Писаревым невосприимчивой.

Характерным представляется тот факт, что в то время как другие видели

в романе Чернышевского полемическую отповедь тургеневским представлениям о «новом человеке», изображенном в Базарове (см. об этом замечания В. Гавевского, «Модный магазин», 1863 г., № 14; Ростислава, «Сев. пчела», 1863 г., № 138; А. Бухарева, «О современных духовных потребностях», М., 1865 г., стр. 497), Писарев не усматривал внутреннего противоречия в идеологических позициях обоих авторов и в героях «Что делать?» видел лишь новые и важные проявления того же общественного типа, каким являлся и Базаров. «Все новые люди, — писал Писарев, — принадлежат к базаровскому типу, хотя все они обрисованы гораздо отчетливее и объяснены гораздо подробнее, чем объяснен герой последнего тургеневского романа». Тургенев «не знал, как держат себя Базаровы с другими Базаровыми». В романе Тургенева новые люди показаны в чужой для них среде, поэтому Тургенев в Базарове останавливается на одной суровой стороне отрицания. «Если бы Чернышевскому пришлось изображать новых людей, поставленных в положение Базарова, то есть окруженных всяким старьем и тряпьем, то его Лопухов, Кирсанов, Рахметов стали бы держать себя почти совершенно так, как держит себя Базаров». Так в сознании Писарева примирялось его отношение к Базарову и к подлинно революционным типам Чернышевского. Революционного значения образа Рахметова Писарев не понял. Всю силу убедительности и эмоционального пафоса Писарев сосредоточивает исключительно на идее общепольного труда, ни в какой степени, в отличие от Чернышевского, не предусматривая необходимости революции и важности ее последствий для реализации социалистического идеала.

История общественного воздействия романа «Что делать?» документируется не только литературными отзывами и критическими статьями. О его глубоком влиянии на практику общественной жизни свидетельствует огромное количество фактов живого поведения его сторонников.

Благодаря роману «Что делать?» «всюду начали заводиться прои*водительные и потребительные ассоциации, мастерские швейные, сапожные, переплетные, прачечные, коммуны для общежития, семейные квартиры с нейтральными комнатами и пр. Фиктивные браки с целью освобождения генеральских и купеческих дочек из-под семейного деспотизма в подражание Лопухову и Вере Павловне сделались нередким явлением жизни, причем редкая освободившаяся таким образом не заводила швейной мастерской и не разгадывала вещей снов, чтобы вполне уподобиться героине романа» (А. Скабичевский, «Литературные воспоминания», изд. «Земля и фабрика», М. — Л. 1928 г., стр. 247—250. Ср. о том же Е. Водовозова, «Среди петербургской молодежи шестидесятых годов», «Современник», 1911 г., кн. XI. То же отдало «На заре жизни», СПб, 1911 г., стр. 570—590. Г. Елясеев, «Воспоминания». Сборник «Шестидесятые годы», изд. Akademia, 1933 г., стр. 300. Н. Шелгунов, «Воспоминания», П., 1923 г., стр. 116, 161—162, 182). Один из пионеров тогдашней кооперации, Н. П. Баллин, в своих воспоминаниях удостоверяет, что швейная мастерская романа «Что делать?» вызвала в России по крайней мере столько же подражаний, сколько вызвала подражаний речдельским пионерам история их, написанная Холиоком (К. Пажитнов, «Н. Г. Чернышевский как первый теоретик кооперации в России», М., 1917 г., стр. 23). Проекты и уставы женских организаций 60-х годов очень близко стоят к роману и по постановке практических задач и даже по формулировке своих основных руководящих принципов (см., напр., проект устава «Петербургского общества женского труда», напечатанный в статье Н. Страхова «О женском труде», «Эпоха», 1864 г., апрель).

Революционно-воспитательное влияние романа распространялось не только на формирование взглядов и убеждений, но и на воспитание эмоциональных основ внутреннего характера, на моральную самооценку и выработку индивидуально-волевого типа. Об одном из лиц явно «рахметовского» склада упоминает Е. Н. Ковальская «Воспоминания Л. Б. Гольденберга» («Каторга и ссылка», 1924 г., № 3 (10), стр. 89). Об аскетических рахметовских идеалах в кружках молодежи 60-х годов рассказывал Л. Е. Оболенский («Литературные воспоминания и характеристики», «Исторический вестник», 1902 г., январь, стр. 126). Каракозовец П. Ф. Николаев подчеркивает близость

рахметовского склада к идеалам и воззрениям каракозовцев и самого Каракозова (В. Е. Чешихин-Ветринский, «Н. Г. Чернышевский», П., 1923 г., стр. 177. Ср. Н. Рейнгардт, «О Чернышевском», «Совр. слово», 1911 г., 19 сентября, № 1331). Влияние образа Рахметова сказалось и на некоторых беллетристических произведениях 60-х и 70-х годов («На старом пепелище» Г. А. Успенского, «Николай Негорев» Кушевского).

Глубокое революционно-воспитательное воздействие романа «Что делать?» продолжалось и далее. Здесь мы ограничиваемся наиболее заметными фактами 60-х годов.

Примечания

¹ Роман посвящен жене Н. Г. Чернышевского — Ольге Сократовне Чернышевской, урожденной Васильевой (1833—1918). Несомненно роман «Что делать?» отразил многое из личных отношений Чернышевского к Ольге Сократовне. На себя, как на прототип Веры Павловны, указывала сама Ольга Сократовна в личной беседе с Духовниковым (А. Лебедев, «Н. Г. Чернышевский», «Русская старина», 1912 г., № 4, стр. 303). Внешние биографические сопоставления дают сравнительно мало данных для сближения Веры Павловны с Ольгой Сократовной. Можно отметить только совпадения со стороны живости их нрава и в некоторых деталях общих бытовых вкусов. Другая сторона облика Веры Павловны Лопуховой, — серьезность и возвышенность общественных стремлений, желание осмыслить свою жизнь непосредственным участием в строительстве новой жизни — не находят соответствия. Швейных мастерских Ольга Сократовна не открывала, самообразованием и медитацией не занималась, да и вообще будто бы мало задавалась вопросами, лежащими за пределами бытового обихода (ср. В. А. Пыпина, «Любовь в жизни Чернышевского». П., 1923 г., стр. 32, 33, 35, 36 и др.). При всем этом несомненно, что сам Н. Г. Чернышевский усматривал в личности Ольги Сократовны такие стороны характера и жизненного поведения, которые давали ему основание считать ее женщиной незаурядной, исключительной и безусловно передовой для своего времени. Первое время общения с Ольгой Сократовной Чернышевский поражался ее умом, быстротой понимания его мыслей, меткостью ее замечаний. В период первоначального знакомства с Ольгой Сократовной Чернышевский записывал в своем «Дневнике»: «Перед нею я чувствую себя почти так же, как в старые годы чувствовал себя перед Вас. Петр. в иные раза при разговорах о политике». «Нужно только будет развить этот ум, этот такт серьезными учеными беседами и тогда посмотреть, не должен ли я буду сказать, что у меня жена M-me de Staël» («Дневник Н. Г. Чернышевского», см. т. I наст. изд., стр. 475—476. «Вас. Петр.» — В. П. Лободовский, одно время имевший на Чернышевского огромное влияние.) Можно было бы отнестись эти слова на долю преувеличенных восторгов влюбленного юноши, но позднейшие письма Чернышевского убеждают, что такое отношение к О. С., и именно к ее уму и общей духовной силе и обаянию, Чернышевский сохранил до конца жизни. В письме из Виллюйка от 10 марта 1883 года Чернышевский, утешая Ольгу Сократовну в ее мрачных мыслях о себе самой, указывал на большую привлекательность ее бесед для таких ученых, как Пекарский, Срезневский, Котляревский. «Пекарский прямо сознавался, — пишет он, — что развитием своих понятий много обязан разговорам с тобой». Котляревский, по его словам, просиживал с Ольгой Сократовной вечера, потому что разговоры с нею «были полезны развитию его понятий». «Думаю написать когда-нибудь ученую сказочку, в которой главным говорящим лицом будешь ты в виде тридцатисемилетней девушки, и главным действующим лицом тоже ты в виде двадцатилетней девушки, любимицы той другой, старшей. Где младшая, там шум и веселье. Где старшая, там тишина и серьезный пафос» («Чернышевский в Сибири. Переписка с родными». Вып. III, СПб, 1913 г., стр. 211—213). В письме от 7 июля 1889 года Чернышевский пишет уже прямо о том значении, какое имела Ольга Сократовна в его собственной жизни: «Если бы не встретился с тобой, мой милый друг, моя жизнь была бы тусклой и бездейственной, какой была до встречи с то-

бою. Если я делаю что-нибудь полезное, то всю пользу, какую русское общество получило от моей деятельности, оно обязано тебе. Без твоей дружбы я не напечатал бы ни одной строчки, только лежал бы и читал бы, не излагая на бумаге того, что считал честным и полезным. Твои качества поддерживали веру в разумность и благородство людей, не поддерживаемый твоею личною разумностью и честностью, я не считал бы людей способными держать себя, как велит разум и честность...» Далее Чернышевский вспоминает о том обаянии, какое Ольга Сократовна внушала Некрасову, Добролюбову. Некрасов ею вдохновлен был, создавая жизнь Саши («Саша») и Катерины (в «Коробейниках»). «Без знакомства с тобой он не написал бы ни этих дивных поэм, ни много другого наилучшего в его произведениях. Я это слышал от него самого». (М. Н. Чернышевский, «Жена Н. Г. Чернышевского», «Современник», 1925 г., январь, стр. 125). Образ Веры Павловны, являясь во многом выражением лишь мечты Чернышевского о лучшем типе женщины для своего времени, все же, несомненно, связывался с живыми порывами и стремлениями Ольги Сократовны, какие Чернышевский в ней предполагал и видел. Ольгу Сократовну Чернышевский называл «самородком». В ней он видел естественное выражение сильного ума и того духа самостоятельности, независимости и внутренней свободы, какого желал бы и всякой другой женщине. В этих чертах она более всего и сближается с образом Веры Павловны. Об Ольге Сократовне и об отношении к ней Н. Г. Чернышевского см. в его «Дневнике» главу «Дневник моих отношений с тою, которая составляет мое счастье» (см. I том настоящего издания; письма Чернышевского к жене — в XIV и XV томах этого же издания). Воспоминания об О. С. Чернышевской см. В. А. Пыпина, «Любовь в жизни Чернышевского», Л. 1923 г. М. Чернышевская, «Мои воспоминания об Ольге Сократовне Чернышевской» в сборнике «Н. Г. Чернышевский», Саратов, 1926 г. Об отражении личности Ольги Сократовны Чернышевской в романе «Что делать?» см. в ст. А. Скафтымова о романе «Что делать?» в сборнике «Н. Г. Чернышевский», Саратов, 1926 г., стр. 112—113, 117—119. Т. Богданович, «Любовь людей шестидесяти годов», изд. «Academia», Л. 1929 г. Н. Бродский и П. Сидоров, «Комментарий к роману «Что делать?» Изд. «Мир», 1933 г., стр. 61 и сл.

² Находясь в крепости, Чернышевский задумывал обширную «Энциклопедию знания и жизни», где должны были быть разобраны «все мысли обо всех важных вещах». Для большей популяризации такой книги Чернышевский имел в виду воспользоваться литературно-беллетристической формой, которая увлекательностью своею даже самых ленивых читателей заставляла бы прочесть и усвоить эти знания. Об этом он писал жене из равинна 5 октября 1862 года: «Потом я ту же книгу переработаю в самом легком популярном духе, в виде почти романа, с анекдотами, остроумиями, так чтобы читали все, кто не читает ничего, кроме романов...» «Чепуха в голове у людей; потому они и бедны и жалки, злы и несчастны; надобно разъяснить им, в чем именно и как следует им думать и жить». Очевидно, частичным выполнением этого плана и являлся роман «Что делать?» За ним последовали другие беллетристические произведения, которые были задержаны жандармерией и в свое время света не увидели.

³ «Ça ira» — «Дело пойдет» — песня, получившая популярность во время революции во Франции конца XVIII века.

⁴ Лопухов — «медицинский студент». Несомненно, здесь имеется в виду единственное тогда медицинское высшее учебное заведение в Петербурге — «Военно-медицинская академия», впоследствии «Медико-хирургическая академия», являвшаяся в свое время по составу студенчества одним из самых демократических учреждений. «Здесь разночинским духом пахло, здесь демократизм был не наносный, а подлинный, pur sang» (чистокровный)... «Нигде, даюсь мне, студенты не были так объединены, как в Академии. И объединяли их не только специальные медицинские, но и культурно-просветительные общественные интересы» (О. В. Аптекан, Общество «Земля и Воля» 70-х годов. «Колос», 1924 г., стр. 61). В шестидесятых годах Академия была центром по изучению естественных наук. Здесь работал известный ученый

И. М. Сеченов, личность которого в некоторых чертах послужила прототипом для образа Кирсанова.

⁵ Фермауар — нарядная застёжка на ожерелье.

⁶ «belle, charmante, amour, bonheur» — красавица, прелестная, любовь счастье (фр.)

⁷ «В целой России нет пяти пар маленьких и стройных ног...» См. в «Евгении Онегине» Пушкина:

Люблю я бешеную младость
И тесноту, и блеск, и радость,
И дам обдуманный наряд.
Люблю их ножки — только вряд
Найдете вы в России целой
Три пары стройных женских ног.

⁸ Ипокритка (фр. hypocrite) — притворщица, лицемерка.

⁹ Будировать (фр. boudier) — дуться, сердиться.

¹⁰ «Вроде наперсницы корнелевской героини». Корнель, Пьер, (1606 — 1684) — французский драматург, в пьесах которого видное место занимали «наперсники» и «наперсницы» — постоянные спутники и ближайшие собеседники главных героев.

¹¹ Битва при Ватерлоо (18 июня 1815 года) привела к ниспровержению Наполеона силами коалиции европейских держав.

¹² «Риголетто» — опера Д. Верди (1803—1901), написана в 1851 г. «La, donna è mobile» (итал.) — «женщина изменчива».

¹³ Жорж-Занд (Санд) и Диккенс (см. словарь) были одними из самых любимых писателей Н. Г. Чернышевского. Чернышевский их очень много читал в университетские годы. В «Дневнике» среди взятых для прочтения книг всегда называется какой-нибудь роман Ж.-Санд и Диккенса. Среди наиболее чтимых имен в литературе он всегда называет Жорж-Санд и Диккенса. Произведения этих писателей Чернышевский перечитывает как «высокий источник моральных наставлений». В моменты самых восторженных порывов ему напоминает Жорж-Санд, в ее произведениях он ищет аналогий и примеров для разрешения своих вопросов и для выражения своих мнений. В 1850 году, разговаривая с Александрой Григорьевной Климентовой, которая ему тогда нравилась, он сейчас же «увлекается в мир Жорж-Санд и Фейрбаха» («Дневник, см. I т. наст. изд., стр. 388»). В беседах с Ольгой Сократовной, в период их первого сближения, он ей рекомендует читать Жорж-Санд (там же, стр. 215). Среди книг, имевшихся у Чернышевского в рабеллине, находились романы Жорж-Санд и Диккенса (см. список их — «Литературное наследие Н. Г. Чернышевского», т. 2, стр. 453). Собираясь в Сибирь, он откладывает несколько книжек Жорж-Санд и Диккенса, чтобы взять их с собою. В конце 70-х годов Чернышевский по-прежнему ставил Жорж-Санд и Диккенса выше всех писателей. В письме к сыну Михаилу 14 мая 1878 г. из Виллюиска Чернышевский наставительно писал: «я тебя спрошу: много ли ты прочел в подлиннике — например, из французской беллетристики — романов Жорж-Санд, из английской — романов Диккенса. Они устарели. Они устареют, когда явится что-нибудь написанное с таким же талантом, с таким же умом и с такою же честностью».

Ближайшее отношение к роману «Что делать?» имеет роман Жорж-Санд «Жак». Сюжетная композиция романа «Что делать?» имеет большое сходство с романом «Жак». Оба романа дают сначала встречу героини с первым будущим мужем. Сейчас же обнаруживается взаимное влечение, возникает любовь. Герой — друг женщин. В женитьбе и там и здесь, помимо чувства, с его стороны играет роль стремление вырвать героиню из рук дурной матери. Супружеская жизнь первое время полна взаимного счастья. Потом наступает внутренний разлад вследствие несодства в характерах. Муж отличается большей положительностью и спокойной уравновешенностью; в жене больше экспансивности и молодого порыва, она ищет большей интимности. Появляется человек с более близким жене характером. Происходит новое сближение и новая любовь. Муж знает об этом, страдает. Его самоотверженная предупредительность идет навстречу счастью жены с другим человеком. Убе-

дившись, что его присутствие будет служить помехой их спокойствию и счастью, он совершенно устраивает себя.

То, что отличает один роман от другого, вытекает из различия идеологических устремлений Чернышевского и Жорж-Санд. Чернышевский считает ненормальным не только то, что женщина не свободна в жизни с мужем, но и то, что она является рабой в семье родителей, что она и здесь не равна мужчине, что она лишена должной независимости в выборе себе жизненного пути. Отсюда в романе Чернышевского возникает более глубокий интерес к бытовой атмосфере, в которой вырастает женщина, и давалась более широкая разработка биографии Веры Павловны той поры, когда она жила еще в доме родителей.

Чернышевский, в отличие от Жорж-Санд, в проблеме эмансипации женщины не замыкался в исключительную сферу чувства, он связывал проблему супружеских отношений с проблемой участия женщины в общественной жизни. Отсюда являлась тщательная разработка жизни Веры Павловны, когда она уже замужем и когда жизнь ее наполняется в основном не чувством к мужу и не мыслями о себе, как о жене, а стремлениями гражданского порядка (организация мастерской и пр.). Этого у Жорж-Санд совсем нет.

В разрешении проблемы раскрепощения женщины Чернышевский требует, как необходимого условия, права на самостоятельный и независимый труд, который создал бы возможность ее экономической независимости. У Чернышевского идея эмансипации неразрывно связана с общей социальной проблематикой. Для Жорж-Санд это проблема индивидуального порядка. Как от романов Жорж-Санд, так и от романов Диккенса произведение Чернышевского выгодно отличается практической постановкой вопросов, соединенной с глубоким пониманием социальных процессов и условий, определяющих возможность реализации тех гуманных стремлений, какие у этих писателей Чернышевскому были созвучны. В этом смысле в данном месте романа репликами Верочки Чернышевский формулировал расхождение своих намерений и своей точки зрения с настроениями и стремлениями наиболее для него близких, но все же не удовлетворявших его писателей: «Ведь вот Жорж-Занд — такая добрая, благоправная, — а у ней все это только мечты». «Или у Диккенса — у него это есть, только он как будто этого не надеется; только желает, потому что добрый, а сам знает, что этому нельзя быть...» «Как же они не знают, что без этого нельзя, что это в самом деле надобно так сделать, и что это непременно сделается, чтобы вовсе никто не был ни беден, ни несчастен». (Подробнее об отношении Чернышевского к Жорж-Санд см. статью А. Скафтымова в сборнике «Н. Г. Чернышевский», Саратов, 1928 г.)

¹⁴ Имеется в виду «La destinée sociale» (Судьба общества) В. Консидерана (1803—1894), ученика известного социалиста-утописта Фурье; пропагандировал преобразование общественного экономического строя посредством организации фаланстеров. Упоминаемые Михаилом Ивановичем и Марией Алексеевной «серии» составляют одну из форм в организации коллективного труда по системе Фурье.

¹⁵ Речь идет о книге Людвиг Фейербаха «Лекции о сущности религии» (1851 г.). По условиям цензуры Чернышевский не мог открыто назвать имя этого философа, поэтому в разговоре Марии Алексеевны с Михаилом Ивановичем эта книга иронически приписывается авторству французского короля Людовика XIV, которого они по невежеству считают отцом Луи-Филиппа, бывшего на самом деле сыном Филиппа Эгалите (1747—1793).

¹⁶ В «Хронике» Саксона Грамматика передается легенда, давшая сюжет для трагедии Шекспира «Гамлет». Легенда рассказывает о злодеянии Фенгона, убившего своего брата Горвендила, чтобы избавиться от его соперничества и одному править Ютландией. Уничтожив Горвендила, Фенгон женится на его супруге, матери Гамлета, который, узнав о преступлении своего отца, думает ему отомстить. Скрывая свои намерения, Гамлет прикидывается безумным. Его подозревают в притворстве. Чтобы проверить его состояние, Фенгон приказывает устроить встречу Гамлета с девушкой, которую тот давно любит. Гамлет при встрече с девушкой искусно расстраивает планы наблюдавших за ним шпионов.

17 «Мерцалов... читал какое-то новое сочинение, то ли Людовика XIV, то ли кого другого из той же династии». Ср. примечание № 15.

18 Блезир — искажение французского plaisir — удовольствие. «Для блезиреу» — здесь для виду.

19 Откупа — предоставление царским правительством частным лицам — откупщикам — права взимать в свою пользу доходы от известной отрасли государственного хозяйства, в данном случае с торговли спиртом и водкой. Откупная система была одним из способов самой злой эксплуатации масс.

20 «Фоблаз». Имеется в виду серия романов французского писателя XVIII в. Лурье де Кувре «Приключения кавалера Фоблаза».

21 «Междоусобная война в Канзассе, предвестница нынешней великой войны Севера с Югом, предвестница еще более великих событий не в одной Америке, занимала этот маленький кружок»... Речь идет о войнах, происходивших в северо-западной части Северной Америки в штате Канзас в 1854 — 1856 гг. и в 1861—1865 гг. между восставшими фермерами Севера и рабовладельцами-помещиками Юга, державшими в своих руках власть и добивавшимися еще большего расширения рабства. Чернышевский, близко интересуясь этими событиями в Северной Америке, предусматривал их огромные последствия для революционной борьбы, развивавшейся не только в Америке, но и в Европе. В политическом обзоре («Современник», февраль 1861 г.) Чернышевский писал: «Кризис, переживаемый теперь Северною Америкею, не может остаться без очень сильного влияния на судьбу цивилизованного света... Связь тут не внешняя, не мимолетная, обнаруживающаяся не какими-нибудь частными фактами, а связь, проникающая в самый корень западноевропейских событий. Викнуть в характер такого кризиса, постараться разгадать его запутанные обороты, предусмотреть его исход, — это задача мало интересная для соображений о европейских событиях наступающего лета или следующей зимы, но очень важная для того, чтобы оценить будущее движение политических идей, которым станут определяться события целого нашего и, быть может, следующего за нами поколения».

22 «Спор о химических основаниях земледелия по теории Либиха». Речь идет о книге знаменитого химика Либиха (1803—1873) «Органическая химия в применении к агрикультуре и физиологии» (1840). Открытия Либиха сильно занимали Чернышевского и его кружок не только с точки зрения их практического значения в области агрономического хозяйства, но и в силу их принципиальной важности для установления реальных перспектив в осуществлении социалистического идеала. Вопрос шел о практических возможностях устранения противоположности между городом и деревней, о возможности распространения наук и искусств среди широчайших масс трудящихся сельского хозяйства. Значение теории Либиха в этом смысле было подчеркнуто Ф. Энгельсом в статье «К жилищному вопросу» (1873): «Уничтожение противоположности между городом и деревней не в большей и не в меньшей степени утопично, чем уничтожение противоположности между капиталистами и наемными рабочими. Оно с каждым днем все более становится практическим требованием как индустриального, так и сельскохозяйственного производства. Никто не требовал этого настоятельнее, чем Либиг в своих сочинениях по земледельческой химии, где он всегда выдвигал первым требованием, чтобы человек возвращал земле то, что он от нее получает, и где доказывалось, что этому препятствует существование городов, в особенности крупных городов» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XV, стр. 73). В романе «Что делать?», в тех страницах, где рисуется перспектива осуществления социалистического идеала («Четвертый сон Веры Павловны»), в качестве непренной стороны этого устройства указывается устранение противоположности между городскими и сельскими условиями жизни путем равномерного размещения населения по всей земле и путем перемежающейся смены труда для всех трудящихся.

23 «О великой важности различия реальных желаний от фантастических». Речь идет о различиях на основе положений философии Фейербаха. См. Чернышевский, «Антропологический принцип в философии» (1860).

24 «Q-adum», т. е. quod erat demonstrandum — «что и требовалось доказать». Этим выражением в «Этике» Спинозы заканчиваются доказательства его теорем.

²⁵ «done vivons», см. примечание № 3.

²⁶ «Телемак», книга французского писателя Фенелона (1651—1715) «Des aventures de Telemaque» «Приключения Телемака».

²⁷ Фр. livraison, здесь — выпуск, книжка, издание.

²⁸ «R vue Etrangère» — журнал «Иностранное обозрение».

²⁹ Голиаф, библейский герой, филистимлянский исполин, побежденный в единоборстве с Давидом, поразившим его камнем из пращи. В нарицательном смысле — великан.

³⁰ «Сибариты» от др. греческого города Сибарис (Sybaris) в Лукании, отличавшегося богатством и изнеженностью жителей. «Аскеты» — в первые века христианства люди, раздававшие свое имущество бедным, отказывавшиеся от брака и проводившие жизнь в посте и молитве. Греч. askesis — упражнение в добродетели.

³¹ Альбиносы — организмы с врожденным отсутствием красящего пигмента, с белой кожей, белыми волосами, с бледнокрасной или светлорозовой радужной оболочкой глаз и красными зрачками.

³² Стихи взяты из стихотворения Пушкина «Адели» (1822).

³³ Принципы женской эмансипации Чернышевским воспринимались вместе с сочинениями Фурье, Коисидерана и также из романов Жорж-Санд. Вопрос о положении женщины для Чернышевского был всегда особенно интимно близок. В этом отношении в роман вложено очень много личного, автобиографического. Когда Чернышевский размышлял о будущей супружеской жизни, его мысли всегда окрашивались жертвенным порывом. Чернышевский представлял себе возможность увлечения его жены другим человеком. Образ его должного поведения в этом случае уже тогда рисовался ему в полном соответствии с тем, как в романе развернуто поведение Лопухова. Вот что он писал в «Дневнике»: «Неужели вы думаете, я изменю вам» — спросила его однажды Ольга Сократовна. «Я этого не думаю, я этого не жду, но я обдумывал и этот случай». — «Что же вы тогда бы сделали?» — Я рассказал ей «Жака Жоржа-Занда. «Что же бы вы тогда застрелились?» — «Не думаю» — и я сказал, что постараюсь достать ей Жорж-Занда (она не читала его, или во всяком случае не помнит его идей)». («Дневник Н. Г. Чернышевского»). «А если в ее жизни явится серьезная страсть, — размышляет он в другом месте «Дневника», — то есть, я буду покинут ею, но я буду рад за нее, если предметом этой страсти будет человек достойный. Это будет скорбью, но не оскорблением. А какую радость даст мне ее возвращение. — Потому что она увидит, что как бы ни любил ее другой, но что никто не будет любить ее так, как я» («Дневник Н. Г. Чернышевского», стр. 528—529). Даже в мелочах бытового распорядка совместной жизни роман повторяет мысли и поведение самого Чернышевского: «Она третьего дня сказала, — писал он об Ольге Сократовне, — у нас будут отдельные половинны, и вы ко мне не должны являться без позволения — это я и сам хотел бы так устроить, может быть, думаю об этом серьезнее, чем она; она понимает, вероятно, только то, что не хочет, чтобы я надоедал ей, а я понимаю под этим то, что и вообще всякий муж должен быть чрезвычайно деликатен в своих супружеских отношениях к жене». «Каково будет мое отношение к ней в социальном смысле. — Я желал бы, чтобы мы, наконец, начали говорить друг другу «ты», особенно, чтобы она говорила мне «ты» — я сам лучше хотел бы говорить — «вы». Звать ее буду всегда полным именем, всегда буду звать ее Ольга Сократовна. — Она, может быть, захочет звать меня по-латински — но едва ли. И вероятно, если будет, скоро оставит. Одним словом, наши отношения будут иметь по внешности самый официальный и холодный характер; под этою внешностью будет с моей стороны самая полная, самая глубокая нежность». («Дневник Н. Г. Чернышевского», стр. 535).

Повидимому, так было и в действительности, по крайней мере в первое время после женитьбы. После свадьбы, когда Чернышевские ехали в столицу, никто из пассажиров «не хотел верить, чтобы они были молодые: они говорили друг другу вы. Николай Гаврилович был необыкновенно вежлив к Ольге Сократовне и ухаживал за ней, как за малым ребенком». (А. Лебедев, «Н. Г. Чернышевский». «Русская старина», 1912 г., № 4, стр. 30. Сообщения Ф. Духовникова со слов Ольги Сократовны.)

³⁴ В Рахметове, полагают, отражены некоторые черты саратовского помещика Бахметева. Фамилия Бахметева, как прототипа Рахметова, упоминается несколько раз в письмах Евгении Николаевны Пыпиной. В письме 16 марта 1863 г. она, сообщая родным о получении от Н. Г. продолжения романа, замечает: «Там между прочим введен Бахметев — помните?» — Еще раз она называет его в письме 23 апреля 1863 г.: «С большим интересом прочтете вы роман Николи. Рахметов — это Бахметев Пав. Алекс., помните вы его? — Здесь, впрочем, мы об этом не говорим. Ник. Гавр. знал о нем много такого, что мы и не подозревали». («Переписка Е. Н. Пыпиной с родными в 1862—1863 гг.». «Н. Г. Чернышевский». Сборник, Саратов, 1928 г., стр. 304—307, 318.) Екатерина Николаевна Пыпина вспоминает, что Бахметев был помещиком Саратовской губернии и славился своими странностями. «Оригинальная особа: богатый человек и вдруг аскет». Все на него удивлялись. О Бахметеве Екат. Ник. слышала от Ив. Ник. Виноградова, который «знал весь мир саратовский», и от многих друзей. «Бахметев путешествовал по Волге, по разным городам и распространял идеи, схожие с рахметовскими» (записано со слов Н. М. Чернышевской). Более точных сведений об этом саратовском Бахметеве пока не имеется. По документам известно, что Бахметевы были помещиками Аткарского и Петровского уездов Саратовской губернии. Бахметев Николай Иванович в 1848—1852 гг. был саратовским губернским предводителем дворянства, его имя фигурирует в судебном деле, к которому он был причастен («Материалы по крепостному праву Саратовской губернии», Саратов, 1911 г., стр. 24—25). Один из Бахметевых был товарищем А. Н. Пыпина по саратовской гимназии. Фамилия Бахметева, как знакомого Н. Г. Чернышевского в его студенческие годы, упоминается в его «Дневнике». Н. А. Огарева-Тучкова рассказывает о некоем Бахметеве из Симбирской губернии, посетившем в Лондоне Герцена и настойчиво вручившем в его распоряжение на издание «Колокола» двадцать тысяч рублей. У Чернышевского Рахметов является к немецкому философу и предлагает деньги на издание его сочинений. Но в рассказе Н. А. Огаревой-Тучковой Бахметев рисуется в совершенной противоположности Рахметову: «Некрасивый, молчаливый, он казался жалким, одиноким, заброшенным», «говорил резко и в то же время сквозь слезы, как ребенок» (Н. А. Огарева-Тучкова, «Воспоминания», изд. «Acad-mia». М.—Л., 1929 г., стр. 202—206). Без всякого сходства с Рахметовым изображен Бахметев и самим Герценом (Собрание сочинений Герцена, т. XIV, стр. 641—642). В итоге, с Рахметовым, как и со всеми типами романа, получается, что Чернышевский в так называемых «прототипах» брал лишь некоторые конкретные контуры «нового человека», творчески создавая его целостный образ соответственно своему общему пониманию типических и ведущих качеств деятеля-революционера своего времени.

³⁵ Книга Ньютона, названная в романе, писалась им в конце жизни и вышла спустя шесть лет после его смерти (1733). В книге, с одной стороны, критически анализируются вселенские соборы как дело интриг византийских императоров, трезво, критически освещается почитание святых как идолопоклонство, а с другой стороны, библейские апокалиптические «пророчества» трактуются в мистическом смысле как подлинное предсказание отдаленнейших исторических событий и как свидетельство того, что «вселенная управляется провидением». Такое смешение здравого смысла с мистицизмом и охарактеризовано Чернышевским как «смешение безумия с умом».

³⁶ «Отец новой философии», т. е. Фейербах.

³⁷ «Капуанская роскошь». Капуанский — прилагательное от географического названия Капуя (Сариа). Чернышевский употребил это слово в значении, основанном на рассказе римского историка Тита Ливия о войске Ганнибала, которое после решительной победы над римлянами при Каннах «удалилось на зимние квартиры в Капую», где суровых солдат «погубили избыток во всем и чрезмерные удовольствия». В таком же значении при той же этимологии у Л. Толстого находим слово «капуйский». Г. Гольд, «О двух именах прилагательных в романе «Анна Каренина». «Толстой. Памятники творчества и жизни», IV, редакция В. Срезневского, М. 1923 г., стр. 199—200.

³⁸ Цитируются стихи из поэмы Некрасова «Коробейники», написанной в 1861 г. и впервые напечатанной в журнале «Современник» 1861 г., кн. 10, стр. 699.

³⁹ Первые девушки в университетских аудиториях появились с осени 1859 года (М. Бокова-Сеченова, Н. Корсини, А. Блюммер и др.). И. М. Сеченов сообщает в своей «Автобиографии», что впервые он осенью 1861 года познакомился с двумя представительницами нового течения (Боковой и Сусловой), «серьезно и крепко заряженными на подвиг служения женскому вопросу». (И. Сеченов, «Автобиографические записки», М., 1907 г., стр. 117 и сл.) Вследствие правительственного запрещения, последовавшего в 1863 году, все эти женщины заканчивали курс медицинских наук за границей. Суслова, Сеченова, Шабанова были первыми женщинами-врачами в России.

В этом моменте характеристики Веры Павловны отражены некоторые черты жизни Марьи Александровны Боковой-Сеченовой, которая Чернышевскому была лично известна и жизненная судьба которой, очевидно, послужила Чернышевскому отправным фактом при выработке сюжета романа «Что делать?». М. А. Бокова-Сеченова родилась 1/13 января 1839 года в семье помещика, генерала Обручева. Стремясь к образованию и независимости и желая освободиться от семейных стеснений в доме отца, она вышла замуж фиктивным браком за своего домашнего учителя П. И. Бокова, происходившего из крестьян, являвшегося другом Н. Г. Чернышевского и разделявшего его идеи об освобождении женщины от рабской подчиненности родительской семье или мужу. Фиктивный брак Боковых потом превратился в фактический. В 1859 году М. А. появлялась в университете на лекциях, несколько позднее она стала посещать лекции профессоров Медико-хирургической академии. Здесь произошло ее знакомство с известным физиологом И. М. Сеченовым, с которым потом произошло сближение и новый брак, не нарушивший, однако, прежней дружбы с П. И. Боковым ни со стороны самой М. А. ни со стороны И. М. Сеченова. Сохранилась визитная карточка П. И. Бокова с надписью: «П. И. Боков и И. М. Сеченов приглашают Чернышевского и Александра Николаевича по случаю окончания экзаменов Марии Александровны». Очевидно, речь идет о какой-то дружеской вечеринке, устраивавшейся этими лицами совместно по поводу окончания экзаменов Марьи Александровны за курс мужской гимназии, что давало ей право на поступление в высшую школу. Упоминаемый в записке «Александр Николаевич» — это известный историк литературы Пыпин, двоюродный брат Н. Г. Чернышевского. См. Воспоминания В. А. Пыпиной, напечатанные в кн. «Любовь людей шестидесятых годов», сост. Т. Богдановичем, изд. «Academia», Л., 1929 г., стр. 426. О М. А. Сеченовой см. также С. Штрайх, «Героиня романа «Что делать?» в ее письмах». Сборник «Звенья», т. 2/3, изд. «Academia», стр. 588 и сл. Э. Витмер, «Святой человек». «Историч. вестник», 1915 г., № 12, стр. 819—829. А. Лебедев, «Н. Г. Чернышевский». «Русская старина», 1912 г., № 4, стр. 303 (здесь даны записи Ф. Духовникова со слов Ольги Сократовны Чернышевской). А. Скафтымов, Статья о романе «Что делать?» в сб. «Н. Г. Чернышевский», Саратов, 1936 г., стр. 114—117. С. Кара-Мурза, «Герои и героини романа «Что делать?». «Красная нива», 1928 г., № 30, стр. 8—9. Безусловно в образах Веры Павловны, Лопухова и Кирсанова Чернышевский был очень далек от намерений точного воспроизведения реальных лиц, которые своими качествами и отдельными моментами жизни давали ему лишь некоторый материал для романа. Чернышевский мог иметь в виду лишь некоторые их стороны, какие для его общественно-типологических заданий представлялись важными и интересными. В то же время категорическое отрицание роли названных лиц, как реальных прототипов романа, какое мы встречаем, например, в воспоминаниях Л. Ф. Пантелеева в отношении к П. И. Бокову, едва ли правильно (Л. Ф. Пантелеев, «Из воспоминаний прошлого», изд. «Academia», М.—Л., 1934 г., стр. 301—305).

⁴⁰ «Синий чулок». Происхождение этого выражения объясняют различно. В начале XVIII века в Англии существовал кружок образованной женщины Монтегю (Wortley Montague) (1690—1762), в котором ученый Stillingfleet (1702—1771) появлялся в синих наколенниках. Это дало повод к на-

смешливому прозвищу по адресу всего кружка Монтегю «Общества синих чулков». Более вероятно другое объяснение, связывающее это прозвище с обычаям женщин — членов кружка Монтегю — носить синие чулки, сначала из подражания знаменитой гостье своей *M-me de Polignac*, бывавшей там в синих чулках, потом — как знак своей принадлежности к кружку. В России это прозвище, очевидно, распространилось из Франции, где женщин с умственными и общественными интересами обыватели называли *«bas-bleu»*. В пушкинскую пору «синим чулком» обзывалась, например, известная А. Смирнова-Россет. В ироническом и насмешливом смысле этим термином пользовался П. А. Вяземский, обозначая некоторые женские характеры словами: «наши сине-и красно-чулочницы».

⁴¹ Из песни А. Кольцова «Я любила его» (1841). Стихотворения А. Кольцова, изд. 1846 г.

⁴² Из песни Маргариты в «Фаусте» Гете в переводе Э. Губера. Сочинения Э. Губера, т. II, 1859, стр. 194.

⁴³ Из «Майской песни» («Mailied») Гете. Эта песня, вместе с песней Маргариты, у Чернышевского в молодости была одною из самых любимых.

⁴⁴ Из стихотворения Шиллера «Четыре века» (1802) в переводе С. Шевырева:

Как весело кубок бежит по рукам,
Как взоры пирующих ясны.

Первый стих точнее переведен у Н. Колачевского: «Струится в бокалах, как пурпур, вино». (Собр. сочин. Шиллера, изд. Брокгауз и Эфрон, т. I, стр. 143, 454.)

⁴⁵ Ареопаг — в древних Афинах высшее судилище.

⁴⁶ «Тоггенбург» из баллады Шиллера «Рыцарь Тоггенбург». Здесь дан прозаический пересказ сюжета этой баллады. Ср. стихотворный перевод этой баллады у Жуковского.

⁴⁷ Из стихотворения А. Кольцова «Бегство». «Уж как гляну я на поле». Впервые напечатано в журн. «Современник», 1839 г., кн. XIV.

⁴⁸ Лелия, Индиана, Консуэло, Женевьева, Андре — персонажи романов Жорж-Санд.

⁴⁹ Аболиционисты — в Северной Америке в конце XVIII и первой половине XIX вв. сторонники отмены рабства. См. примечание № 21 к войне в Канзасе.

⁵⁰ Ср. высказывания Чернышевского о Теккере, как о писателе талантливым, но лишенном идейного богатства. См. его рецензию на «Ньюкомы» в IV т. настоящего издания.

⁵¹ *La donna è mobile* (женщина изменчива) — ария из оперы «Риголетто», музыка Верди.

⁵² «Давно отвергнутый тобою», стихотворение Некрасова (1854). О глубоком впечатлении, которое это стихотворение производило на Чернышевского, см. в письме Чернышевского к Некрасову 5 ноября 1856 г. (т. XIV настоящего издания).

⁵³ В песнях Беранже на любовные и бытовые темы кружок Чернышевского ценил порывы свободы чувства и протест против ханжеской принудительной морали. «Правда, что в большей части эротических песен Беранже, — писал Добролюбов, — рисуется ветреная Лизета, и припев «Vive la grisette!» идет ко многим из этих песен. Но в самой легкости, с которою поэт уступает другим сердце своей Лизеты, едва ли можно видеть только ветреность и неспособность к сильной страсти. Тут есть характеристическая черта, более глубокая, проявляющаяся, кроме Беранже, еще в некоторых стихотворениях Гейне. Это уважение к свободе выбора в женщине и вполне гуманное признание того, как нелепы и бессовестны всякого рода принудительные меры в отношении к женскому сердцу». Н. Добролюбов. Отзыв о «Песнях Беранже», изд. 1898 г., Собр. сочин. Добролюбова, т. I, Гихл, 1934 г., стр. 468.

⁵⁴ «Песня Еремушке» — стихотворение Н. А. Некрасова, появившееся в 1859 году, пользовалось огромной популярностью среди передовой молодежи как призыв к революционному делу.

⁵⁵ «Стонет сизый голубочек», стихотворение И. Дмитриева (1792), романс, в ту пору совершенно устаревший.

⁵⁶ «Много красавиц в аулах у нас» и т. д. из «Героя нашего времени» Лермонтова, Песня Казбича. Ср. «Черкесскую песню» в «Измаил-бее» его же.

⁵⁷ «Не женися, молодец. Слушайся меня...» из «Измаил-бея» Лермонтова «Черкесская песня».

⁵⁸ «Красив Брингала брег крутой» и т. д. — романс Вальтер-Скотта в переводе Каролины Павловой. «Отеч. записки», 1840 г., т. X. Эта песня привлекала Чернышевского, несомненно, потому, что он в ней находил аналогию к известному эпизоду его отношений с Ольгой Сократовной, когда перед женитьбой он предупреждал ее, тогда свою невесту, о том, что его жизненный путь будет опасным. Речь шла о поднимающемся в народе революционном движении и о готовности самого Чернышевского полностью отдать себя делу революции. «...Готова и искра, которая должна зажечь этот пожар. Сомнение одно — когда это вспыхнет? Может быть, лет через десять, но я думаю скорее. А если вспыхнет, я, несмотря на свою трусость, не буду в состоянии удержаться. Я приму участие». — «Меня не испугает ни грязь, ни пьяные мужики с дубьем, ни резня». — «А чем кончится это? Каторгою или виселицею. Вот видите, что я не могу соединить ничьей участи со своей». Этот разговор со своею невестою Чернышевский записал в своем «Дневнике» 1853 года, и теперь из крепости он песнею напомнил об этом Ольге Сократовне.

⁵⁹ «Месяц плывет и тих и спокоен» и т. д. из «песни Селима» в «Измаил-бее» Лермонтова.

⁶⁰ «Да разлетится горе в прах. И в обновленные сердца да снидет радость без конца» — из стихотворения Некрасова «Новый год» (1852 г.).

⁶¹ «Черный страх бежит как тень от лучей, несущих день» — из стихотворения Томаса Гуда (1798—1845) «Стансы», в переводе М. Михайлова. «Современник», 1862 г., № 4.

К ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ РЕДАКЦИИ «ЧТО ДЕЛАТЬ?»

Беловик и корректурные листы печатавшегося в «Современнике» романа не сохранились. Зато среди рукописей Чернышевского, относящихся к крепостному периоду его жизни и находящихся в настоящее время в Москве в Архиве Революции и внешней политики, сохранился черновик «Что делать?» — 59 перенумерованных полулистов обыкновенной писчей бумаги, без линеек, чрезвычайно густо исписанных с обеих сторон весьма убористым почерком. На оборотной стороне полулиста № 36 находится заметка, сделанная Чернышевским 23 января 1863 г.:

«Отсюда начинаю писать сокращенно, как писаны все мои черновые, — это я делаю потому, что, надеюсь, Комиссия уже достаточно знакома с моим характером, чтобы знать, что в моих бумагах не может быть ничего противозаконного. Притом же, ведь это черновая рукопись, которая переписывается набело без сокращения. Но если непременно захотелось бы прочесть эти черновые страницы романа, я готов прочесть их вслух (это легче) или дать ключ к сокращениям».

Действительно, дальше черновик писан с применением сокращений и условных знаков: опускаются целые слоги, применяются особые знаки для времен глаголов, для местоимений, для некоторых слов, иногда вместо целого слова стоит одна-две буквы, и т. п. По такой же методе сокращений и условных обозначений писал Н. Г. Чернышевский в 1848—1853 гг. свой «Дневник». Зашифрованный текст составляет около половины всего романа (стр. 232—234 настоящего тома). Последние страницы романа, вероятно, были писаны прямо начисто: в черновике имеются только разрозненные отрывки их.